

съ графомъ Блудовымъ и тотъ подалъ ему совѣтъ, распадающійся на двѣ версіи: 1) отнести къ графу Матусевичу въ Лондонъ, чтобы онъ выслалъ изъ Англіи опытнаго и знающаго чело-вѣка. Но этотъ способъ пріобрѣтенія техника для работъ по Сейму самъ Толстой находилъ неудобнымъ, потому что вызовъ ученаго строителя изъ Англіи обойдется очень дорого. Кромѣ того много затрудненій должно представить этому строителю незнаніе русскаго языка. Другой способъ—пока нѣтъ временно въ Петербургѣ главноуправляющаго путями сообщенія герцога Александра Виртембергскаго,—обратиться къ его помощнику Горголію и просить его дозволить кому-либо изъ офицеровъ корпуса инженеровъ перейти на службу въ курскую губернію для завѣдыванія ходомъ техническихъ работъ на Сеймѣ. Толстой, въ своемъ письмѣ, указываетъ на знаменитаго Михайлова, автора проекта судоходства по Сейму — соперника проекту Пузанова. Этотъ инженеръ согласится отправиться на сеймскія работы за 4,000 руб. годоваго содержанія. Сейчасъ онъ занимается въ новгородской губерніи, въ военныхъ поселеніяхъ.

Комитетъ изъ двухъ версій Блудова принялъ послѣднюю и поспѣшилъ просить у Горголія техника и шлюзвахтеровъ. Отвѣтъ на эту просьбу получился отрицательный. Ни техника, ни шлюзвахтеровъ отъ путей сообщенія не прислали.

А между тѣмъ гидротехникъ былъ положительно необходимъ. Дѣло въ томъ, что самъ «проектировщикъ» Пузановъ, оставаясь главнымъ распорядителемъ имъ задуманнаго и желаемаго предпріятія, долженъ былъ имѣть подъ руками спеціалиста помощника для осуществленія своихъ плановъ. Въ началѣ работъ это было признано всѣми, въ томъ числѣ и Пузановымъ. Искусный техникъ только могъ принести комитету существенную пользу. Не имѣя его лѣтомъ 1833 года, комитетъ пользовался услугами губернскаго архитектора при возведеніи гидротехническихъ сооруженій; но весьма понятно, что труды его—не спеціалиста въ созданіяхъ, требующихся для системы искусственнаго водяного сообщенія—не могли увѣнчаться успѣхомъ. Такъ это и случилось въ лазовскомъ каналѣ. У этого канала архитекторъ построилъ домъ для смотрителя въ августѣ 1833 года; домъ этотъ остался цѣль и невредимъ на долгое время, а водяныя сооруженія пошли прахомъ. Тутъ оправдалась русская пословица, «дѣло мастера бонтея». А этотъ то самый мастеръ и не давался въ руки комитету але-